

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЧЕЛОВЕК ДОБР» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ЭКСПРЕССИОНИЗМЕ

Н. Э. Сейбель

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

В статье рассматриваются тексты Ф. Верфеля, Л. Франка и Э. Кестнера, в названии которых использован один из наиболее важных концептов экспрессионизма «Человек добр», что позволяет системно описать формы осмысления взаимоотношений человека и мира художниками 10 – начала 30-х годов XX века. Указывается, что исследуемый концепт синтезирует в себе религиозные мотивы и революционно-футуристические поиски, актуальные для названных авторов. Подробно освещаются вопросы связи исследуемых текстов с творческой биографией писателей и контекстом эпохи. Концептуальный, мотивный и сравнительно-типологический анализ позволяет выделить семантическое ядро концепта и рассмотреть эволюцию черт, качеств и характеристик, определяющих понятие «Человек добр» у каждого из авторов. Устремленный к грядущему царству справедливости мессия, описанный Верфелем, со временем вытесняется важным для Франка образом рядового человека, способного к пробуждению и самопожертвованию во имя мира, а затем сменяется карикатурой на героя – убежденным в своей богоизбранности мещанином Кестнера. В статье определено, что разница в наполнении концепта «Человек добр» порождает различие в дискурсивных установках текстов от гимна, восхваляющего нового Человека, к тексту-призыву и к обвинению в безразличии и покорности.

Важными вопросами исследования являются также лексико-грамматическая организация концептонима, соотношенность концепта «Человек добр» с набором мотивов и образов у каждого из авторов, проблемы взаимодействия текста с его «именем». Семантическая динамика концепта проявляется в его связи с мотивами движения, становления, музыки, а также с христианскими и эсхатологическими образами.

Делаются выводы о различии функций беспредикатного, ритмически не связанного с основным текстом заголовка стихотворения Верфеля и субъектно-предикативной формулы, используемой Кестнером в качестве заглавия и рефрена и пронизывающей весь его текст.

Ключевые слова: концепт, заголовочно-финальный комплекс, экзистенциализм, Франц Верфель, Леонгард Франк, Эрих Кестнер.

Введение

Экспрессионистское стремление к выразительности, патетике, броскому образу и емкости лозунга делает формулы, выносимые представителями этого направления в заглавие текстов, особенно значимыми. Название – это, как пишет С. Кржижановский, «...слово о словах» [1, с. 4], «...искусство, направленное на искусство, дохудожественное искусства, требующее большого изощрения и сложного мастерства» [1, с. 17]. При том внимании, которое экспрессионисты уделяют слову как феномену первородному, надчеловеческому, сакральному, сворачивание мира в текст, а текста в название сходно со священнодействием. Представители как раннего, так и позднего экспрессионизма в поиске абсолютной метафоры, способной стать словообразом мира «...пытаются измерить область того, что дано и что возможно» [2, р. 126]. Процесс озаглавливания художественного произведения становится для них, с одной стороны, способом рационального автокомментирования и самопрезентации автора, с другой – интуитивным актом приобщения к прасмыслам и праобразам: «Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию...» [3, с. 34].

Появление в качестве названия произведения разных писателей одной и той же формулы «Человек

добр» не просто отражает антропологические установки, характеризующие настроение эпохи, но и фиксирует движение времени, формы переосмысления и преобразования человека и мира вокруг него. Вступая в сложные отношения соотчества / отталкивания с самим текстом, максима «Человек добр» каждый раз несет новое содержание.

Стихотворение «Der gute Mensch» Франца Верфеля написано в 1915 году и вошло в третий поэтический сборник «Einander» уже известного писателя, сделавшегося благодаря первым поэтическим собраниям («Der Weltfreund», 1911, «Wir sind», 1913) лидером венского экспрессионизма. Название сборника Леонгарда Франка «Der Mensch ist gut» (1917) стало результатом долгих поисков («В напрасных многочасовых поисках заглавия... перебрал десяток названий, и ни одно не годится» [4, с. 431]) и после шумного успеха книги превратилось в лозунг поколения. В 1928 году создано стихотворение «Der Mensch ist gut!» Эриха Кестнера, явно ориентированное на тексты предшественников и являющееся парадоксальной вариацией той же темы.

Обзор литературы

Вопросы, связанные с номинацией текста, перманентно оказываются в фокусе внимания литературоведов. Среди тех аспектов, без которых невозможно раскрытие темы, необходимо обозначить:

во-первых, описание форм, типов, структур, используемых для называния художественных текстов, во-вторых, соотношение названия (и других паратекстуальных частей) с текстом произведения, в-третьих, роль названия как связующего звена, соединяющего произведение с эпохой, когда оно создавалось, и обеспечивающего ему место в истории литературы.

Одним из первых поставил вопрос о поэтике названия как объекте исследования, системно описал состав заголовка как литературного феномена и выстроил типологию названий в историко-литературном контексте С. Д. Кржижановский («Поэтика заглавий», 1931). Он делит анализируемые заглавия на неполные (бессубъектные, беспредикатные), полные («...отлитые в форму логического суждения: S есть P» [1, с. 7]) и удвоенные (отражающие «...а) логические процессы и б) эмоциональные испытывания» [1, с. 8]). При том что «...синтаксическая конструкция поэтических заголовков характеризуется близостью к синтаксическим примитивам, что выражается в их простоте и краткости» [5, с. 7], логически-пропорциональные заглавия «...сложены всегда из двух частей: субъектной и предикатной» [1, с. 7].

В целом ряде статей, посвященных заголовочно-финальному комплексу текста, Ю. Б. Орлицкий делит заголовки на концептуальные и тематические [6]. Не рассматривая важные для Кржижановского функции названия в исторической парадигме культуры, Орлицкий останавливается на вопросах соотношения текста и его имени в тематическом, образном, ритмическом и других аспектах.

Развернутую типологию заголовков представляет А. В. Ламзина, выделяя «...заглавия, представляющие основную тему или проблему произведения» [7, с. 65], «...заглавия, задающие сюжетную перспективу произведения» [7, с. 66], персонажные заглавия, «...заглавия, обозначающие время и пространство» [7, с. 67], «...заглавия с усложненной семантикой – аллюзии, метафоры, цитаты» [7, с. 69].

Являясь паратекстуальным элементом, название связано с текстом произведения сложными и неоднозначными связями. «Смысловая защелка книги» [8] двойственна, поскольку призвана согласовать систему ценностных координат писателя со вкусами адресата-читателя. В трактовке Кржижановского заглавие – сублимат книги. Оно может функционировать отдельно от текста, благодаря чему произведение не «выпадает» из культуры, даже перестав – временно или окончательно – быть объектом читательского внимания: «Книга должна рассчитывать ... на емкость своего заглавия: лишь мнемонически сделанное, крепко сработанное заглавие обеспечивает книге и ее смыслу некоторую сохранность» [1, с. 6], в итоге, по мнению С. Д. Кржижановского, возникает «...тенден-

ция к развитию <названий> в особый род искусства» [8]. В противоположность этому Орлицкий считает, что «...заглавие – одновременно и имя текста, и его составная часть. Причем находящаяся, как говорят лингвисты, в абсолютно сильной позиции – в самом начале произведения» [9]. При этом, если Орлицкий стремится исключить название по первой строке из общего поля исследования [9], то для Клеха «...всех богаче и живее, будто только вынутые из моря, названия стихотворений по первой строке» [8].

Наконец, имя текста «...способно дать достаточно полное представление о вкусах и предпочтениях той или иной эпохи, направления, отдельного автора, о традиции, к которой тот или иной автор примыкает» [10, с. 74].

В данном исследовании взаимодействие текста и времени особенно значимо, поскольку в заголовки анализируемых текстов вынесен один из фундаментальных концептов времени: «Человек добр».

Поиски нового человека – миссии, богочеловека, провозвестника лучшего мира, живущего по законам братства, – соединяет для экспрессионистов «пафос и идеологию», «христианские представления с революционно-политическими» [11, с. 415]. Если в целом поэты экспрессионизма движутся «...от мистического к этическому именованию» [2, р. 125], то вынося в заглавие однозначное определение доброй природы человека, они соединяют сакральное и нравственное воедино.

Методы исследования

Концепт – «...объект из мира “идеальное”, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека в мире “действительность”» [выделено авт. – А. В.; 12, с. 36]. Будучи отражением базовых ментальных категорий, концепт фиксирует наиболее устойчивые идеи времени, он – «...основная единица системы *культура*» [выделено авт. – В. З.; 13, с. 53]. Однако экспрессионисты отражают в своих произведениях эпоху глобального «сдвига» форм и смыслов. Разрушается устойчивая иерархия ценностей во главе с гуманистически осмысленной Личностью, и на ее место приходит экстагически восторженный абстрактный Человек в момент наивысшего напряжения. Если концептный анализ дает возможность рассмотреть онтологическое, поэтическое и эмоционально-психологическое содержание текста в их органической связи друг с другом, то обращение к сравнительно-типологическому анализу позволяет наглядно видеть и фиксировать происходящие перемены в их «промежуточных» точках. Динамика изменений, происходящих с наполнением концепта «Человек добр», круг концептоименований (лексико-грамматических форм реализации концепта), используемых авторами, сопряженность его с образно-мотивной структурой художественных текстов составляют предмет исследования в данной работе.

Результаты и дискуссия

Франц Верфель (1890–1945) в своих ранних текстах не раз обращается с восторженным энтузиазмом к новому человеку грядущего счастливого века. Его лирическим героем становится Избранник, стремящийся к внутренней гармонии, к «...переоценке метафизики и Бога» [14, s. 78], к осознанию собственной силы и ответственности за мироздание. Вера в добро и желание служить людям соединяются в нем с «...экспрессионистским штурмом границ земного» [15, с. 24]. Такой лирический герой – чаще всего Поэт – попирает соблазняющего его дьявола в диалоге «Искушение: разговор Поэта с Архангелом и Люцифером», он восславляется в первых стихах («К читателю»), приравнивается к Богу (новеллы «Сон о старике» и «Сотворение музыки»).

Стихотворение «Der gute Mensch» реализует утопический концепт экспрессионизма: «новый человек».

«Добрый человек» Верфеля наделен всеилием и богоподобием:

Sein ist die Kraft, das Regiment der Sterne,
Er hält die Welt wie eine Nuß in Fäusten,
Unsterblich schlingt sich Lachen um sein Antlitz,
Krieg ist sein Wesen und Triumph sein Schritt [16].

Постепенно разрастающаяся метафора торжественного шествия человека – повелителя звезд – обрамлена почти маршевым ритмом синтаксически параллельных конструкций («В его силах – командовать звездами... Война – его сущность, Триумф – его шаг»; здесь и далее перевод наш – Н. С.). Он главенствует над великим и малым: нарочитое столкновение гиперболы и литоты образует границы мира, над которым он властвует (мир – орех, несправедливость Творения – слеза). Он вбирает в себя весь мир, провидя высшее (небо) и низшее (ад), его великая миссия – привести человечество к Богу («Zerbricht das Ungerechte aller Schöpfung, / Und alle Dinge werden Gott und eins» [16]).

Важнейший мотив текста – мотив движения: шаг, путь, строительство земного (в тексте – «находящегося под Богом») мира, устремленность в неизвестность – явная градация, в которой Человек преодолевает вселенские границы и устремляется выше Бога. Оплакивая распавшийся на части мир, испытывая гнев против царящей в нем несправедливости, он один способен превратить слезы в камень для созидания будущего. Если в более раннем диалоге «Искушение: разговор Поэта с Архангелом и Люцифером» (1912) преобразование героя происходит в споре с Дьяволом, изначально слабый Поэт обретает силу и постепенно приходит к мысли о своей божественной природе: «Satan, Satan, du bist mir nicht gewachsen» [17, s. 23] («Сатана, Сатана, ты до меня не дорос», то в «Добром человеке» он легко попирает раздавленного огненного червя-Дьявола («Der Teufel, ein zertretener Feuerwurm» [16]).

Антитеза Добра, на стороне которого Бог, Человек и сопровождающие его ангелы, и Зла – Искушитель и сопутствующие ему знаки разрухи, боли и несправедливости, подчеркнута столкновением стихий (вода и огонь) и звучащего / молчащего мира. Верфель, в текстах которого музыка выступает как идейная и формообразующая основа [18, s. 38], наделяет человека голосом, ангелов – ревом и громом. Они наполняют Вселенную вдохновляющими, ликующими, пробуждающими звуками, в то время как поправное зло покорно молчит, его голос заглушен победоносным кличем Доброго Человека.

Пафосное и героическое сталкивается в тексте с трагическим, но однозначно одолевает знаки разрушения, жертвенности, тревоги.

Леонгард Франк (1882–1961) создает свой «...манифест против духа войны» [19, s. 125] – сборник антивоенных рассказов «Человек добр» – под знаком не столько восхищения силой титанического человека, сколько сочувствия к человеку – мученику войны. Он не опровергает энтузиазма своих предшественников (Ф. Верфеля, Л. Рубинера¹ и др.), но утверждает, что человек добр потенциально – истоки его жестокости, заблуждений, даже преступлений в общественных условиях: «Надо создать условия, которые позволят человеку быть добрым» [4, с. 432]. Место верфелевского Избранника занимает собирательный персонаж, типичная жертва войны. Все герои – «Отец» («Der Vater»), первоначальное название «Официант» / «Der Kellner»), «Солдатская вдова» («Die Kriegswitwe»), «Мать» («Die Mutter»), «Любящая чета» («Das Brautpaar») и «Инвалиды войны» («Die Kriegskrüppel») – безымянные, но отнюдь не безликие. Франка интересует «средний» человек, не посягающий на основы мироздания, но готовый на взрыв, экзистенциальный жест, отчаянный протест.

Если структуру верфелевского текста организует «каталогизация» достоинств в их данности – он восславляет героя, то формула «Человек добр» у Франка отражает становление, созревание «тихой готовности» [20, с. 57] изначально слабого человека к проявлению героизма. Человек у Франка добр не когда вступает в извечную схватку Бога и Дьявола, а когда противостоит историческим, социальным катаклизмам, осмысленным в inferнальных образах и формах: «...ложь адской силы» [20, с. 9], «...алтарь отечества ... не в церкви» [20, с. 23], «...женщины кричат... словно висят на кресте» [20, с. 38], «...машиноподобный убийца, убивший свою душу» [20, с. 66]. На пути к добру персонажам необходимо пройти через отчаяние, почувствовать силу человеческой общности, осознать себя частью мощной бунтующей массы. Новый «добрый человек» наделен «...душевым

¹ С его манифестом «Человек в центре мира!»

сейсмографом... чувствующим, что наступила секунда, когда затвердевшее, окаменевшее страдание целого измученного народа внезапно разливается и срывает плотину организованного насилия» [20, с. 68]. Герои Франка «...живут надеждой и продолжают сопротивляться действительности, даже когда она, кажется, победила» [21, с. 162]. Инвалиды, безработные, изгои, поднявшие голос протеста, прямо сравниваются в финале сборника с Христом на Голгофе. И Ему, и им даровано счастье высшей любви к человеку и человечеству – счастье жертвовать собой, умирать за свою веру и свою любовь, верить в обновленное человечество, способное к нравственному возрождению. Вместо верфелевского богочеловека, «вбирающего» мир в сферу своих чувств и сознания, Франк рисует братство людей, объединившихся в общем порыве против войны.

Если движение раннеэкспрессионистского Поэта – вертикаль, путь восхождения к установлению вселенской справедливости, то каждый рассказ «...поэтического катехизиса революционного пацифизма» [22, с. 51] Франка заканчивается описанием выходящей на улицы возбужденной толпы. Горизонтальное движение охватывает как «малое» пространство: абстрактный Берлин, представленный микрообразами (окошко бакалейщика, проулок, где играют дети, кухонные шумы и запахи), так и «большое» пространство: воюющую Европу, соединенную с микромиром письмами, снами, песнями. Музыка, активно проникающая в сборник «Человек добр» и передающая движение времени и становление человека, – «тысячеобразная мощная песнь» [20, с. 19], – соединяет лирическое с героическим, личное с общезначимым, сугубо индивидуальное с пафосом общего.

Эрих Кестнер (1899–1974) прославился как «...певец маленькой свободы и поэт маленьких людей» [23]. Его стихотворение «Человек добр!» (*Der Mensch ist gut!*, 1928) построено по принципу «узнаваемости», который автор провозгласил в эссе «Прозаическое замечание» (1929) как наиболее продуктивный для литературы, желающей быть полезной, услышанной и социально значимой. Текст представляет собой поэтический парафраз сборника рассказов Леонгарда Франка «Человек добр» и полемику с раннеэкспрессионистскими текстами, утверждавшими добрую природу человека.

Если Франк стремится к объективности и отстраненности, складывая отдельные истории в «кардиограмму» времени, то Кестнер наполняет текст сарказмом: «*Der Mensch ist gut! Da gibt es nichts zu lachen!*» [24] (Добр человек! Здесь не над чем смеяться!). Риторические восклицания, вопросы, императивы, фигуры притворного согласия и утверждения, обилие интонационных знаков препинания создают сатирический пафос глумления над довоенными мечтами и идеалами.

В первых двух катренах он напоминает о персонажах Франка: жертвы войны становятся в новое послевоенное время жертвами пропаганды: «*Doch: Ließ man denn die Krüppel draußen liegen? / Die Witwen kriegten sogar Honorar!*» [24] (Не остались же калеки на улице? А вдовы даже получили компенсацию!). Мир не только не изменился – стагнация стала его главной идеей, новым Богом, вождельной наградой за пережитые страдания. Разочарование в итогах революций, осознание безнадежности порождает скепсис по отношению к самому экспрессионистскому идеалу «нового человека». Богочеловек унижен, ибо «*Gott will es so*» (Так хочет Бог) [24]. Жертвы напрасны, «*Auch die Moral hat ihr Gesetz der Schwere: / Der schlechte Kerl kommt hoch – der Gute fällt*» [24] (У морали тоже есть свой закон притяжения: / Всплывает плохой – хороший тонет). Панорама описываемого сужается от текста к тексту: Верфель писал о мироздании, Франк – о социуме, Кестнер – о «*bescheidne Welt*» (скромном мире) бытовой повседневности.

Удел доброго человека рубежа 20–30-х годов – терпение и пресмыкательство. Его кругозор сузился до «фруктового компота» и отношений с мелким конторским директором, его главное достоинство – безропотная покорность любому произволу. Кестнер доводит до абсурда игру в перевертыш: «хороший» – не способен на возмущение, будь он хуже, он попытался бы изменить полный несправедливости мир. «Заслуги» доброго человека венчают его прямая речь: комическая мольба продлить муки и унижения. Он готов принять любую жестокость и закрыть глаза на любое злодеяние. Если для экспрессионистов 10-х годов характерна «...оппозиция по отношению к действующим в буржуазном обществе материально-экономическим, утилитарным законам» [25, с. 305], то новым богом для героя Кестнера стала Лейпцигская ярмарка.

Предшественники Кестнера выстраивали отношения названия и текста как отношения «номинатива» (название) и «предиката»: произведение описывает качества и свойства Доброго Человека, дает представление о содержании самого этого понятия. Кестнер нуждается в многократном повторении формулы заголовка, становящегося частью текста. Он описывает не столько человека, сколько мир, вырождающийся при его попустительстве. Ставшая рефреном стихотворения «доброта» (покорность, исполнительность, послушание, безразличие) осмысливается как путь унижения самого человека и потворства преступлениям, совершающимся вокруг него. «Человек добр», и поэтому он допустил войну; «Человек добр», поэтому позволяет торжествовать подлецам; «Человек добр», поэтому он смиренно принимает установившуюся систему, и, наконец, позволяет физическое насилие над собой.

Мотивы движения, становления самосознания человека, противостояния добра и зла, музыки,

вдохновляющей на борьбу – важнейшие для Верфеля и Франка – вытесняются у Кестнера развенчанием идеи богоизбранности народа и призывом к пробуждению от мещанского безразличия.

Выводы

«Человек добр» – один из наиболее значимых концептов экспрессионизма. Поиски нового человека, влекомого мечтами о гармонии и всеобщем братстве и наделенного силами восстать против зла и одолеть препятствия на пути к этой мечте, составляют содержание многих знаковых текстов как раннего, так и позднего экспрессионизма. Однако с течением времени содержание концепта «Добрый Человек» существенно переосмысливается. Мессия, пророк, богочеловек, устремленный к грядущему царству справедливости (у Верфеля) вытесняется образом рядового человека, одного из многих, способного к пробуждению, осознанию истины, добра и справедливости, готового к самопожертвованию во имя мира (у Франка). Ищущий гармонии герой-бунтарь сменяется пародийным образом тихого обывателя, упоенного сказками о своей богоизбранности и потворствующего злу (у Кестнера).

Разница в наполнении концепта «Человек добр» порождает различие в дискурсивных установках текстов. Верфель создает гимн новому Человеку, торжествующему над космосом и способному утвердить Добро в извечном споре Бога и Дьявола. Франк пишет текст-призыв, текст-манифест, показывающий, как становление самосознания человека неизбежно приведет к социальному взрыву и переустройству мира. Кестнер – обвинитель, объект его внимания – причинно-следственные связи между нравственной деградацией человека и наступившей эрой чистогана: безразличие человека приводит к несправедливости и жестокости мира.

Семантическая динамика концепта отражается, как показывает сравнение текстов, в форме: на уровнях лексико-грамматической организации концептонима, соотносительности его с различным набором мотивов и образов, по-разному организованного взаимодействия текста с его «именем».

Литература

1. Кржижановский, С. Д. Поэтика заглавий / С. Д. Кржижановский. – М. : Никитинские субботники, 1931. – 33 с.
2. Salminen, A. E. No Name: Paul Celan's Poetics of Naming / A. E. Salminen // *Kritik an online Journal of Philosophy*. – 2010. – № 10. – P. 123–137. – URL: https://www.researchgate.net/publication/47671259_No_Name_Paul_Celan's_Poetics_of_Naming (дата обращения: 09.07.2021).
3. Булгаков, С. Н. Философия Имени / С. Н. Булгаков. – СПб. : Наука, 1999. – 445 с.
4. Франк, Л. Слева, где сердце / Л. Франк // *Избранное* : в 2 т. Т. 2. – М. : Terra- Книжный клуб, 2003. – С. 353–558.
5. Орлицкий, Ю. Б. Заголовочно-финальный

комплекс и проблема границ текста / Ю. Б. Орлицкий. // *От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко : сборник научных статей и воспоминаний / сост. М. А. Козлова*. – М. : Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – С. 260–282.

6. Иванова, С. В. Языковые особенности поэтического заголовка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Иванова. – МПА-ПРЕСС, 2006. – 23 с.

7. Ламзина, А. В. Заглавие / А. В. Ламзина // *Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины* ; под ред. Л. В. Чернец. – М. : Высшая школа, 2000. – С. 63–72.

8. Клевх, И. Искусство названий / И. Клевх // *Знамя*. – 1999. – № 9. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=920> (дата обращения: 09.07.2021).

9. Орлицкий, Ю. Б. Заметки о заглавии / Ю. Б. Орлицкий, Н. Веселова // *Арион*. – 1998. – № 1. – URL: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/vesel-orl.htm> (дата обращения: 10.07.2021).

10. Орлицкий, Ю. Б. Заглавие / Ю. Б. Орлицкий // *Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий* ; под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. – С. 73–74.

11. Млечина, И. Новый человек / И. Млечина // *Энциклопедический словарь экспрессионизма* ; под ред. П. М. Топера. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 415–416.

12. Вежбицкая, А. Понимание культур посредством ключевых слов / А. Вежбицкая ; пер. А. Д. Шмелева. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

13. Зусман, В. Г. Диалог и концепт в литературе: литература и музыка / В. Г. Зусман. – Н. Новгород : ДЕКОМ, 2001. – 167 с.

14. Hartmann, V. Religiosität als Intertextualität: Studien zum Problem der literarischen Typologie im Werk Franz Werfels / V. Hartmann. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1998. – 351 S.

15. Жеребин, А. И. На рубеже веков / А. И. Жеребин // *История австрийской литературы XX века*. Т. I. Конец XIX – середина XX века. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 22–52.

16. Werfel, F. Der gute Mensch / F. Werfel // *Einanre*. – Leipzig ; München : Kurt Wolff Verlag, 1915. – URL: <https://www.literatich.de/franz-werfel-einander.html> (дата обращения: 09.07.2021).

17. Werfel, F. Die Versuchung: Ein Gespräch des Dichters mit dem Erzengel und Luzifer / F. Werfel. – Leipzig : Kurt Wolf Verlag, 1913. – 30 s.

18. Klarmann, A. D. Musikalität bei Werfel: Diss. / A. D. Klarmann. – Druck : Philadelphia, 1931. – 82 s.

19. Rudolph, K. Rebell im Maßanzug Leonhard Frank : die Biographie / K. Rudolph. – Berlin : Aufbau, 2020. – 496 s.

20. Франк, Л. Человек добр / Л. Франк / пер. с нем. М. Елагиной. – Пг. ; М. : Государственное издательство, 1923. – 168 с.

21. Сейбель, Н. Э. Мотив времени в романе

Л. Франка «Оксенфуртский мужской квартет» / Н. Э. Сейбель // *Мировая литература в контексте культуры*. – 2010. – № 5. – С. 67–69.

22. Grobmann, R. *Gefühlssozialist im 20. Jahrhundert* : Leonhard Frank 1882–1961 / R. Grobmann. – Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien : Lang, 2004. – 447 s.

23. Райх-Раницки, М. *Моя жизнь* / М. Райх-Раницки. – М. : НЛЮ, 2002. – URL: <https://libking.ru/>

books/nonf-/nonf-biography/513591-7-marsel-rayh-ranitskiy-moya-zhizn.html#book (дата обращения: 09.07.2021).

24. Kästner, E. *Gedichte* // <https://www.deutschelyrik.de/der-mensch-ist-gut.html> (дата обращения 12.07.2021).

25. Пестова, Н. С. *Экспрессионизм* / Н. С. Пестова // *Авангард в культуре XX века (1900–1930): Теория. История. Поэтика* : в 2 кн. / под ред. Ю. Н. Гирина. – Кн. 1. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – С. 293–359.

Сейбель Наталья Эдуардовна – профессор кафедры литературы и методики обучения литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск), e-mail: seibel_ne@mail.ru. ORCID 0000-0002-6840-8286

Поступила в редакцию 15 июля 2021 г.

DOI: 10.14529/ssh210413

THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT «MAN IS GOOD» IN GERMAN EXPRESSIONISM

N. E. Seibel

South Ural State Humanitarian-Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

The research considers the texts by F. Werfel, L. Frank and E. Kästner, with the titles that incorporate one of the most critical expressionist concept «The man is good (Der Mensch ist Gut)». This concept provides a coherent and consistent description for the forms to comprehend the relationship between the man and the world, made by the artists of the 10 – 30s of the 20th century. It is pointed out that the concept under study synthesizes religious motives and revolutionary-futuristic searches, relevant for the authors named. The interrelationship of the studied texts, the creative biography of the writers and the context of the epoch are examined in detail. Conceptual, thematic and comparative-typological analyses allow to highlight the semantic core of the concept and to consider the evolution of features, qualities and characteristics that define the concept “Man is good” by each author. The concept evolution is represented by Werfel’s Messiah striving for the coming kingdom of justice, then he is eventually replaced by Franck’s incarnation of an ordinary man, capable of awakening and self-sacrificing in the name of peace; and finally he is substituted by a Kästner’s petty bourgeois – a caricature of the protagonist – who believes in own Mandate of Heaven. The research shows that the meaningful difference of the concept «Man is good» generates transformation in the discursive disposition of the texts, varying from the hymn praising the new Man, to the appealing text and accusation of indifference and obedience.

The important issues of the research are also lexical-grammatical organization of the «Man is good» concept, its correlation with the set of motives and images by each author, the problems of interaction of the text with its «name». The semantic dynamics of the concept is revealed via its connection with the motives of movement, formation, music, as well as with Christian and eschatological images.

The author draws conclusions about the difference between the functions of a non-predicate, rhythmically unrelated to the main text title of Werfel’s poem and the subject-predicative formula used by Kästner as the title and refrain, which permeates his entire text.

Keywords: concept, title-finale complex, existentialism, Franz Werfel, Leonhard Frank, Erich Kästner.

References

1. Krzhizhanovskij S.D. *Pojetika zaglavij* [Poetics of Titles]. M.: Nikitinskije subbotniki, 1931. 33 s.
2. Salminen A.E. No Name: Paul Celan’s Poetics of Naming // *Kritike an online Journal of Philosophy*. 2010. № 10. P. 123–137. URL: https://www.researchgate.net/publication/47671259_No_Name_Paul_Celan's_Poetics_of_Naming (data obrashhenija: 09.07.2021).
3. Bulgakov S.N. *Filosofija Imeni* [Philosophy of the Name]. St. Petersburg: Nauka, 1999. 445 s.

4. Frank L. Sleva, gde serdce [Left, where is the Heart] // *Izbrannoe v 2 t.* T. 2. M.: Terra-Knizhnyj klub, 2003 S. 353–558.
5. Orlickij J.B. Zagolovochno-final'nyj kompleks i problema granic teksta [Heading-final Complex and the Problem of Text Boundaries] // *Ot sobytija k bytiju: grani tvorčestva Galiny Ivančenko: sbornik nauchnyh statej i vospo-minanij; sost. M.A. Kozlova.* M.: Izdatel'skij dom Gosu-darstvennogo universiteta – Vysšej shkoly jekonomiki, 2010. S. 260–282.
6. Ivanova S.V. Jazykovye osobennosti pojetičeskogo zagolovka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Linguistic Features of the Poetic Name: Dissertation of Candidate Philol. Sc.]. MPA-PRESS, 2006. 23 s.
7. Lamzina A.V. Zaglavie [Title] // *Literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponjatija i terminy*; pod red. L. V. Chernec. M.: Vysshaja škola, 2000. S. 63–72.
8. Kleh I. Iskusstvo nazvanij [The Art of Naming] // *Znamja.* 1999. № 9. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=920> (data obrashhenija: 09.07.2021).
9. Orlickij Ju.B. Zametki o zaglavii [Header Notes] // *Arion.* 1998. № 1. URL: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/vesel-orl.htm> (data obrashhenija: 10.07.2021).
10. Orlickij J.B. Zaglavie [Title] // *Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij*; pod red N.D. Tamarchenko. M.: Izd-vo Kulaginoj: Intrada, 2008. S. 73–74.
11. Mlechina I. Novyj chelovek [New Person] // *Jenciklopedičeskij slovar' jekspressionizma*; pod red. P.M. Topera. M.: IMLI RAN, 2008. S. 415–416.
12. Vezhbickaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvom klju-chevyh slov [Understanding Cultures Through their Key Words]; per. A.D. Shmeleva. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 288 s.
13. Zusman V.G. Dialog i koncept v literature: literatura i muzyka [Dialogue and Concept in Literature: Literature and Music]. N. Novgorod: DEKOM, 2001. 167 s.
14. Hartmann V. Religiosität als Intertextualität: Studien zum Problem der Literarischen Typologie im Werk Franz Werfels. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1998. 351 S.
15. Zherebin A.I. Na rubezhe vekov [At the Turn of the Century] // *Istorija avstrijskoj literatury XX veka.* T. I. Konec XIX – seredina XX veka. M.: IMLI RAN, 2009. S. 22–52.
16. Werfel F. Der gute Mensch // *Einanre.* Leipzig; München: Kurt Wolff Verlag, 1915. URL: <https://www.literatich.de/franz-werfel-einander.html> (data obrashhenija: 09.07.2021).
17. Werfel F. Die Versuchung: Ein Gespräch des Dichters mit dem Erzengel und Luzifer. Leipzig: Kurt Wolf Verlag, 1913. 30 S.
18. Klarmann A.D. Musikalität bei Werfel: Diss. Druck: Philadelphia, 1931. 82 S.
19. Rudolph K. Rebell im Maßanzug Leonhard Frank: die Biographie. Berlin: Aufbau, 2020. 496 S.
20. Frank L. Chelovek dobr [Man is Kind] / per. s nem. M. Elaginoj. Pg.; M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 168 s.
21. Sejběl' N.Je. Motiv vremeni v romane L. Franka «Oksen-furtskij muzhskoj kvartet» [The Motive of the Time in the Movel by L. Frank «Oxenfurt Men's Quartet»] // *Mirovaja literatura v kontekste kul'tury.* 2010. № 5. S. 67–69.
22. Grobmann R. Gefühlsozialist im 20. Jahrhundert: Leonhard Frank 1882–1961. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang, 2004. 447 s.
23. Rajh-Ranicki M. Moja zhizn [My Life]. M.: NLO, 2002. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/513591-7-marsel-rayh-ranitskiy-moya-zhizn.html#book> (data obrashhenija: 09.07.2021).
24. Kästner E. Gedichte. URL: <https://www.deutschelyrik.de/der-mensch-ist-gut.html> (data obrashhenija: 12.07.2021).
25. Pestova N.S. Jekspressionizm [Expressionism] // *Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930): Teorija. Istorija. Pojetika: v 2 kn.; pod red. Ju.N. Girina.* Kn. 1. M.: IMLI RAN, 2010. S. 293–359.

Nataliya E. Seibel – associate professor of Department of Literature and Methods of Literature Teaching, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: seibel_ne@mail.ru

Received July 15, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сейбель, Н. Э. Трансформация концепта «человек добр» в немецкоязычном экспрессионизме / Н. Э. Сейбель // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 107–113. DOI: 10.14529/ssh210413

FOR CITATION

Seibel N. E. The Transformation of the Concept «Man is Good» in German Expressionism. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 107–113. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh210413